

Стратегическая беспрецедентность и европейское перевооружение

Стратегическая беспрецедентность – это невиданные ранее условия отношений держав, вызванные прежде всего становлением Китая в качестве империалистической державы, что привело к *кризису мирового порядка* и всемирному противостоянию, достигшему уровня схватки между крупнейшими государствами и силами континентального масштаба.

Если потрясение мирового баланса беспрецедентно – никогда не было империалистической державы такого размера, как Китай, никогда не было мирового противостояния между гигантами такого масштаба, – то и последствия *кризиса порядка* также беспрецедентны, так как не имеет примеров сама *напряжённость* – с одной стороны; но с другой стороны, в этих последствиях улавливаются, комбинируются и преобразуются уже существующие тенденции и исторический материал, унаследованные от других фаз противостояния. Украина, Средний Восток, Тайвань и Южно-Китайское море уже были зонами кризиса или болевыми точками империалистической конфронтации, но именно вторжение Китая реактивирует их и придаёт им характер *войн кризиса порядка*, настоящих или грядущих.

Вот почему, помимо прочего, условия политической борьбы и социальной психологии в Америке и Европе мы определили как *новый политический цикл* или *политический цикл атлантического упадка*, но не как абсолютную беспрецедентность. Новыми факторами стали *электоральные восстания*, колебания и даже конвульсии американского упадка или европейских политических кризисов, но они новы по отношению к послевоенным условиям восходящего цикла социал-демократизации, создания пенсионных систем и систем здравоохранения, массового школьного образования, позитивной демографии, вызванной *бэби-бумом* 1950-х и 1960-х годов. Новым кажется возвращение к государственному капитализму, интервенционистской промышленной политике и протекционистским мерам, но лишь по отношению к тридцатилетнему либеристскому циклу. На протяжении XX века империализма, до 1914 года или в 1920–1930-х годах, в период между двумя мировыми войнами, общественное мнение уже было охвачено фанатизмом и массовыми страхами, а исторические партии и почтенные институты в конечном итоге разъедались коррозией, теряли содержание и распадались в результате всё более острых политических кризисов. Крупные группы капитала при этом всегда циклически прибегали к силе государств в своей неустанной конкуренции и защите сфер влияния, вплоть до встраивания в военную экономику.

То же самое относится и к новой гонке вооружений. *Беспрецедентно* то, что Китай перевооружается и что Пекин намерен в течение следующего десятилетия иметь вооружённые силы мирового класса, так же как невиданной является ядерная система, в центре которой находятся три сверхдержавы – США, Россия и Китай, а ЕС обсуждает, стать ли ему четвёртым полюсом. Но само собой разумеется, что циклы перевооружения были характерны для всей истории империализма, причём не только в преддверии крупных войн: вспомните *новое противостояние* 1980-х годов и вызов перевооружения, брошенный США при администрации Рейгана.

Именно перевооружение 1980-х годов нужно держать в уме, оценивая нынешние ракетные планы Германии, Европы и Японии. Тогда Гельмут Шмидт, а затем Гельмут Коль начали переговоры с Валери Жискара д'Эстеном и Франсуа Миттераном об условиях *европейской обороны*, а в Токио Ясухиро Накасонэ рассчитывал преодолеть послевоенную стратегическую карликовость Японии, разрешив её вооружённым силам защищать проливы вокруг Японского архипелага.

Переворужение в эпоху Рейгана, в условиях ослабления биполярности между США и СССР и ускорения тенденции к многополярности, также использовало гонку вооружений с Москвой для сохранения военного превосходства над Германией, Францией и Японией. В остальном, на протяжении послевоенного периода *расширенное сдерживание*, которое Вашингтон предлагал союзникам посредством НАТО и японо-американского договора о безопасности, было призвано предотвратить именно атомное перевооружение Германии и Японии.

Непредвиденным последствием рейгановской гонки вооружений 80-х годов, с милитаризацией космического пространства, Стратегической оборонной инициативой (СОИ) и *звёздными войнами*, стал распад СССР, раздавленного весом своего военно-

промышленного комплекса, когда поток нефтяных доходов начал ослабевать после большой волны 1970-х годов.

Этот внезапный и неожиданный вакуум власти позволил Колю воспользоваться исторической возможностью объединения Германии. Но сегодня можно утверждать, что в результате преодоления этого стратегического рубежа Германия парадоксальным образом лишилась стимула к развитию *европейской обороны* и к полной стратегической зрелости. Конечно, шаги в этом направлении были: например, участие бундесвера в *балканских войнах* и планы Европейского конституционного собрания по созданию сил быстрого реагирования – которым, однако, помешали Соединённые Штаты с двумя своими войнами в Персидском заливе в 1991-м и 2003 годах, развязанными для подтверждения центральной роли Вашингтона. Но в итоге возобладала перспектива *дивидендов мира*, в рамках которой распад СССР и окончание холодной войны лишь утвердили Германию в её склонности к многосторонности, военно-стратегической сдержанности и примату экономических отношений во внешней политике. Тем временем Токио погрузился в дефляцию и длительную стагнацию 1990-х годов, приведшие к политическому кризису, который на некоторое время подорвал единство либерал-демократов, ключевой партии японской буржуазии. Перспективы стратегического созревания Японии и восстановления равновесия в союзе с США также забуксовали.

Сегодня можно сказать, что *кризис порядка* возобновил обе игры: как в рамках Атлантического альянса, так и в отношении японо-американского договора о безопасности. Германия и Япония движутся к ракетному перевооружению и не только, и это влияет на баланс сдерживания, на их положение *пороговых ядерных держав* и на европейские перспективы совместного ядерного зонтика Берлина с Парижем и Лондоном. Это *беспрецедентность*, но также и возвращение к нерешённым стратегическим дилеммам 1980-х годов.

(продолжение на стр. 2)

Сентябрь 2024 г.